…Кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натыкаться" на эти общие вопросы.

В.И. Ленин

Андрей ФУРСОВ. МИР НА ПЕРЕЛОМЕ

Часть 1

МИР МЕНЯЕТСЯ, его крутит, выворачивает из суставов — и Россию вместе с ним. Россия меняет мир, пусть и в меньшей степени, чем он меняет её. Это понятно: целое определяет элемент в большей степени, чем элемент — целое. Поэтому имеет смысл взглянуть прежде всего на тенденции развития современного мира.

Разрушение СССР с последовавшим разграблением стран бывшего соцлагеря, прежде всего РФ, позволило отодвинуть спрогнозированный ещё в 1982 году американскими (М. Гелл-Ман, Р. Коллинз, Б. Боннер) и советскими (П. Кузнецов, В. Крылов) аналитиками мировой двугорбый (1988 и 1993–1994 гг.) кризис, который грозил покончить с капитализмом как системой. Но лишь отодвинуть. Дополнительные 17 лет капитализму подарили РФ и КНР, поддерживавшие угасающее ядро капсистемы соответственно дешёвым сырьём и дешёвой рабочей силой (благодаря последней мир оказался завален дешёвым китайским барахлом).

Однако в 2008 году временно отодвинутый кризис пришёл — иначе и быть не могло. Вот что писал по этому поводу Джереми Грэнтэм, легендарный соучредитель инвестиционной фирмы GMO (Бостон, США): "Кризис 2008 года перенасытил западные экономики массой денег, которые не обеспечивались вообще ничем, кроме обещаний всеобщего счастья и процветания в будущем, — эту модель можно назвать бешеным печатным станком. Результат: все (и в этом отличие от кризиса 1930-х) необеспеченные деньги пошли прямиком на фондовые рынки. В 1930-е годы акции зависели от объёмов продаж и финансовых показателей компаний. Сейчас — только от красивых презентаций. Это — первое. Второе: капитализм в его прошлом виде окончательно умер".

В 2008 году лопнул крупнейший финансовый пузырь в истории, его раздували в ущерб реальной ("физической") экономике ядра капсистемы, а на РФ и КНР возлагалась задача компенсировать этот ущерб дешевизной сырья и рабочей силой. И это обеспечивало, а точнее — гарантировало правящим группам двух стран их положение в "тучные годы" развития мировой экономики на рубеже XX–XXI веков. Однако компенсация была частичной и временной, и в 2008 году её уже не хватило. Я согласен с теми, кто считает, что попытки закамуфлировать системный кризис проблемами низкокачественной ипотеки и нехватки ликвидности провалились. Добавлю к этому, что речь должна идти не просто о системном кризисе — он стартовал на рубеже 1970-х–1980-х годов, а о его терминальной стадии.

Мировой правящий класс — реальные "хозяева истории" (Б. Дизраэли), их высокопоставленные клерки (президенты, премьер-министры якобы суверенных стран Постзапада), их "фабрики мысли" (think tanks) чётко осознали этот факт и отреагировали как могли.

Некоторые полагают, что глобальная элита — это только наднациональные структуры мирового согласования и управления типа Бильдербергского клуба или, на худой конец, почти почивших в бозе, но когда-то активных Римского клуба и Трёхсторонней комиссии. Ещё к ним добавляют якобы всемогущих Ротшильдов и Рокфеллеров. Что касается двух последних, то при всём их богатстве и могуществе они не всемогущи, эти семьи, уже превратившиеся в гетерархии, — всего лишь элемент, пусть очень важный и нарочито демонстративный, куда как более сложного целого. Ну а наднациональные структуры мирового согласования и управления при всём их значении являются не столько субъектами (в лучшем случае — субъектами второго уровня), сколько инструментами, площадками — locus standi и field of employment. Они могут принимать определённые решения, но основа этих решений — ранее достигнутые согласования (или конфликты) между основными группами мировой верхушки, в её среде.

В упрощённом виде нынешняя глобальная элита — это четыре больших кластера, "каре": 1) монархические и часть аристократических семей Западной и Центральной Европы во главе с британской и голландской монархиями. Разумеется, ни Виндзоры, ни представители Оранского дома не могут тягаться с реально старыми династиями в лице их потомков — Меровингами, Рюриковичами, Чингизидами, однако, как говорится, на безрыбье и рак рыба; 2) Ватикан, католические религиозные (религиозно-военно-разведывательные) ордены и тесно связанные с ними аристократии Северной Италии, Южной Германии, Испании и Шотландии; 3) семьи финансистов, банкиров и крупнейших промышленников США и Великобритании, то есть Англосферы — англоамериканские и американо-английские кланы; 4) диаспоры — еврейская, армянская и ливанская.

С возникновением в XVI–XVIII веках мирового рынка как единого целого, капитализма как мировой системы и государства (state) как формы его организации, а, следовательно, государственных границ, четырём кластерам понадобились, во-первых, закрытые площадки для того, чтобы согласовывать интересы и регулировать конфликты на надгосударственном уровне, во-вторых, инструменты реализации своих надгосударственных, по определению, интересов. И площадки, и инструменты должны были быть надгосударственными и закрытыми, чем-то вроде конспироструктур. Это ни в коем случае не конспирология, это — криптополитэкономия капитализма. Основные этапы развития капитализма как системы и формирования североатлантического правящего класса — это одновременно этапы оформления новых закрытых наднациональных структур (масонство, иллюминаты, общество Родса — Милнера, Siècle, Cercle, Клуб островов, Бильдербергский клуб).

Представители всех четырёх кластеров мировой верхушки в той или иной форме, прямо или косвенно, явно или тайно, присутствуют в большинстве наднациональных структур, в XX веке — практически во всех. Конкретный пример: и Ротшильды, и Рокфеллеры присутствовали как в Римском клубе, так и в Трёхсторонней комиссии, про представителей диаспор я уже не говорю. В нынешнем Совете по инклюзивному капитализму с Ватиканом — Ватикан, Ротшильды, фонды, корпорации. Наднациональные структуры чаще выражают и представляют интересы некоего мирового параллелограмма сил, чем формулируют их, что, конечно же, не исключает их активности в определённой ситуации. Аналогичным образом, хотя и не в равных долях, четыре кластера глобэлиты присутствуют на всех "этажах" мировой вертикально интегрированной экономики (верхний "этаж" — эксисты (от англ. access — доступ), это "Биг Тех"; следующий "этаж" — фонды управления капиталами; третий "этаж" — финансиалисты, делающие деньги из воздуха; четвёртый "этаж" — корпорации ВПК, химической промышленности, энергетики; пятый "этаж" — промышленность — тот сектор, который в 1930-х–1980-х годах сделал Америку великой и который обещал, вместе с Америкой, возродить Трамп; ещё ниже — "этаж" сельского хозяйства, речь идёт главным образом не о фермерских хозяйствах, а о ГМОшном типе агрохолдингов и корпораций, таких как "Монсанто").

В острой ситуации XX века, когда военно-политическая динамика капитализма начала доминировать над узкоэкономической, мировой верхушке в дополнение к закрытым понадобились открытые наднациональные структуры — Лига наций, ООН, Евросоюз и другие с их наднациональными и всё более паразитическими в эпоху финансиализма бюрократиями, а также полузакрытые — Римский клуб, Трёхсторонняя комиссия. Нынешний системный кризис капсистемы в его терминальной стадии стал неожиданным поворотом в истории и взаимоотношениях государственных и закрытых надгосударственных структур.

ПОСКОЛЬКУ КАПИТАЛИЗМ, исчерпав свои исторические возможности, перестаёт гарантировать мировой верхушке власть, статус и прибыль, а финансиализм оказался краткосрочным и злокачественным по своим последствиям "пузырём", мировая верхушка уже с середины 1970-х годов начала постепенный демонтаж системы. Разгул финансиализма ("деньги из воздуха") и разграбление зоны бывшего соцлагеря, прежде всего РФ, способствовали именно постепенному и для большинства внешне не очень заметному характеру демонтажа. В то же время глобверхи понимали: ни грабёж, ни надувание "пузыря" не могут длиться без конца: судьба ничего не даёт навечно (лат. nihil dat fortuna mancipio), а потому капитализм нужно менять на новый строй — новый мировой порядок (НМП).

Каким в принципе может и должен быть этот строй (в интересах глобверхов, разумеется, и с их точки зрения), стало ясно на рубеже XX–XXI веков. Поскольку решающими факторами в материальном производстве стали невещественные — информационные ("духовные"), социальные (соцсети), именно их присвоение становится главным, именно они становятся основным, образующим новую систему производственных отношений, объектом присвоения, конституируя его стороны. Как подчёркивал Маркс, объект присвоения определяет субъекта присвоения, то есть господствующий слой (класс).

Итак, формирующиеся новые верхи — собственники невещественных факторов производства как главных, первичных. Впрочем, в их руках в качестве вторичных факторов остаются вещественные, собственность на них. Главные в прежних системах вещественные факторы производства, как правило, сохраняются в качестве вторичных у хозяев новой системы, как минимум — на её ранней стадии: собственность на раба при феодализме при главенстве земельной собственности, земельная собственность буржуазии как собственника капиталов при капитализме. А вот у низов новой, посткапиталистической системы, чтобы они стали адекватным элементом новой системы производственных отношений, готовым объектом для новых форм эксплуатации и депривации, никаких факторов производства, ни вещественных, ни невещественных, в собственности быть не должно. Проблема, однако, в том, что в современном мире, прежде всего в ядре капсистемы, есть довольно большой слой — средний (middle class, малый и средний бизнес), выступающий как собственник вещественных факторов производства. И его совокупная доля в мировом богатстве вовсе не мала — есть чем поживиться.

Обычно мировое богатство рассматривается двояко: в целом, как сумма активов и пассивов (то есть прежде всего долгов), и как только активов. Мировое богатство в целом оценивается в 418,3 трлн долл.; 45,6% принадлежит 1,1% (56 млн человек). Это те, у кого более 1 млн. Миллиардеров — 2150 человек. Они владеют стольким же, сколько 4,6 млрд человек (60% населения). На долю этих 0,0038% приходится 63 трлн богатства — 1/3 всего того, чем владеют состоятельные 56 млн человек.

Следующая группа — те, кто имеет от 100 тыс. до 1 млн долл. — средний слой. Это 11,1% (583 млн человек), им принадлежит 39,1% мирового богатства.

Следующая — от 10 до 100 тыс. Их 32,8% (1,7 млрд человек), владеют 13,7% богатства.

Следующая группа — от 0 до 10 тыс. — 55% (2,9 млрд), 1,3% богатства.

Если исключить этот последний слой — с них взять нечего, то получается, что 43,9% населения (2 283 млн человек) владеют 52,8% мирового богатства, чуть меньше, чем 1,1% (то есть 56 млн)*.

Исходя из этих расчётов, битва за посткапиталистическое будущее — это схватка 56 миллионов человек с 2 283 миллионами, в ходе которой первые планируют лишить вторых собственности.

Если убрать пассивы и оставить активы, то картина выглядит следующим образом. Наиболее часто встречающаяся цифра — 90 трлн долл., при этом 1% владеет 35 трлн, 12–15% — 40 трлн, а остальными 15 трлн — 85% населения. Задача верхнего 1% — экспроприировать 12–15%. В то же время и внутри верхнего 1% идёт острая борьба, там разрыв между верхним 0,1% и остальной частью — 0,9% усилился ещё больше, чем между 1% и 12–15% соответственно. Средний слой "однопроцентники" в любом случае приговорили к экспроприации и уничтожению. Этот глобальный передел собственности — необходимое условие возникновения/создания нового строя, НМП. Как это будет сделано — другой вопрос.

В то же время нужно помнить: само наличие массового среднего слоя в ядре капсистемы в последней трети XIX — первой трети XXI века — это явление уникальное, аналогов в других социальных системах не имеющее. Оно обусловлено ограблением колоний, неэквивалентным обменом ядра и периферии и научно-технологическим прогрессом — рывком ядра с конца XIX по середину XX века — и в принципе краткосрочно. Средний слой — побочный продукт развития промышленного капитализма, нарост, который хозяева новой системы срежут за (для них) ненадобностью. Волны "посткапиталистического прогресса" вот-вот сомкнутся над средним слоем Постзапада, что потенциально создаёт возможность взрыва. Как заметил социолог Баррингтон Мур, великие революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва класса, над которым вот-вот сомкнутся волны прогресса (прогресса — для восходящих, разумеется, для уходящих это регресс, энтропия). Так что теоретически на Постзападе зреют "гроздья" гнева, но это теоретически: чтобы "гроздья" созрели до кондиции, надо поработать, тем более что это в наших интересах.

А в чьих интересах переход к НМП? Если говорить об "этажах" вертикально интегрированной экономики, то это, безусловно, представители верхних трёх и отчасти четвёртого "этажа". Ну и, разумеется, "Биг Фармы" и ГМОшников. Сложнее вопрос с кластерами мировой верхушки. Здесь, по-видимому, возможны разные комбинации, самые причудливые. Ясно одно: верхние 50–300 семей даже в новом холодном мире, скорее всего, так или иначе сохранят свои позиции. Как говорилось в одном из детективных романов Агаты Кристи, "мир становится трудным для жизни, и это касается всех, кроме сильных". Задача мировой верхушки — резко уменьшить число сильных. Однозначно в авангарде строителей НМП — бóльшая часть англо-американских кланов в союзе с Ватиканом, ударная сила — Демократическая партия США. Именно на её высокопоставленных клерков была сделана ставка в организации перехода в НМП.

ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, именно в расчёте на Демпартию был разработан 16-летний план перехода к НМП, то есть к посткапитализму. 16-летний, поскольку предполагалось, что 8 лет — президентство Обамы, ещё 8 лет — Хиллари Клинтон. Среди мер перехода к НМП центральное место занимали следующие две.

Во-первых, создание двух надгосударственных трансокеанских сообществ — Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства. Решающую роль в обоих должны были играть транснациональные корпорации (ТНК), банки и фонды (типа BlackRock и The Vanguard Group). По отношению ко всем этим формам, контролируемым в разных долях "хозяевами истории" (напомню, четыре кластера: монархо-аристократические семьи, Ватикан вкупе с религиозными орденами, банкиры и три диаспоры — еврейская, армянская и ливанская), государства и госбюрократии выступают как функциональный орган, как инструмент второго уровня. Инструмент первого уровня — наднациональные структуры мирового согласования и управления типа Cercle, Siècle, Клуба островов, Бильдербергского клуба и другие. Показательно, что хартия Транстихоокеанского партнёрства, которая должна была регулировать отношения ТНК с государствами, готовилась по модели отношений Британской Ост-Индской компании (БОИК) с индийскими княжествами, только на месте княжеств теперь государства, а на месте БОИК — ТНК. Не случайно идеальными, с точки зрения ультраглобалистов, формами организации посткапиталистического "новонормального" мира, базовыми единицами его и его макрозон являются структуры типа БОИК, разумеется, обновлённые и доведённые до уровня мегакорпораций, которые должны поглотить, всосать в себя государства и присвоить их репрессивные функции.

Во-вторых, необходимость выхода из кризиса 2008–2009 годов и перехода к НМП поставила перед мировым правящим слоем среднесрочную (в нынешних условиях это 5–7 лет) задачу установления прямого контроля Постзапада над дешёвым сырьём РФ и дешёвой рабочей силой КНР. Это означало полную десуверенизацию даже этих крупных государств и делало ненужным наличие прозападных госбюрократий. Их должна была сменить новая поросль, воспитанная на Постзападе, в структурах типа "швабятника" "Молодые глобальные лидеры". Этот тип блестяще показал в романе "Новый вор" Юрий Козлов.

Генеральной репетицией Постзапада по стиранию ластиком истории прозападных же правящих групп стала так называемая арабская весна. Мировая верхушка, точнее, её околонаучная обслуга, включая её компрадорский сегмент в РФ, попытались представить "арабскую весну" как исключительно внутренний процесс арабских стран, "борьбу масс за демократию". Однако за последние 10 лет на самом Постзападе появилось немало исследований, авторы которых не только убедительно показали роль внешнего фактора, прежде всего спецслужб и НКО Постзапада, в "арабской весне", но и разоблачили трактовку СМИ (а точнее — СМРАД: средств массовой рекламы, агитации и дезинформации) как спонтанных местных движений за демократию.

"Арабская весна", включая судьбу Каддафи, стала "добрым молодцам" уроком, они правильно поняли нечто как "чёрную метку" и отреагировали. К этому моменту, "в районе" 2010 года, в РФ завершилась длившаяся с самого начала 1990-х годов борьба пяти групп за место под новым солнцем, за то, кто кого отсечёт от будущего и в какой степени. Речь идёт об эсвээровцах в союзе с внешторговцами, чекистах, эмвэдэшниках, военных и криминале. Борьба завершилась победой чекистов, которые в её процессе сильно коммерциализировались, а проигравших "сверчков" каждого посадили (не в плохом смысле слова) на свой "шесток". Всё устаканилось. Казалось бы, живи и радуйся, так нет же: "Всё бы хорошо, да что-то не хорошо… будто что-то гремит, то ли что-то стучит… будто пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов" (А. Гайдар). Ветер доносился с Арабского Востока. И стало ясно, что спокойной жизни не будет, поскольку верить людям, которые обещали Каддафи жизнь, а сами радостно организовали его смерть, нельзя. В связи с этим в РФ логично произошло возвращение В.В. Путина, мы активно вмешались в "игры на дальних берегах" — в Сирии, а затем в 2014 году случился Крым — выигранное очко в проигранной партии за Украину: РФ несколькими неделями, если не днями упредила высадку американцев на полуострове. Ну а дальше конфронтация пошла по нарастающей. Впрочем, создаётся впечатление, что до самого упора, аж до осени 2021 года, российские верхи рассчитывали на снижение градуса противостояния. Вышло иначе — и опять пришлось работать на упреждение.

Поразительная вещь: насколько тупыми в своём высокомерии и высокомерными в своей тупости нужно было быть верхушкам Постзапада, чтобы самый прозападный в русской истории режим загнать в угол до такой степени, что ему не оставалось ничего другого, как начать активно сопротивляться и в сопротивлении этом пройти точку невозврата и перейти в состояние осаждённой крепости. А ведь ещё во время сирийского конфликта Генри Киссинджер предупреждал, что Америка может выиграть у России в Сирии (ошибся), но в таком случае, скорее всего, проиграет всё, чего за 20 лет добились в самой России (так и вышло, но не по поводу Сирии).

Определённая часть руководства КНР тоже верно поняла курс Постзапада, начались те процессы, которые привели к обострению китайско-американских отношений, "тайваньскому казусу", курсу Си Цзиньпина на третий срок и росту напряжённости между его группой и так называемыми комсомольцами. Вишенка на торте — это как прямо во время XX съезда КПК "под белы рученьки" выводят "на коридор" лидера "комсомольцев", сторонника мирного курса по отношению к Тайваню и замирения с США Ху Цзиньтао. Китай, как и РФ, оказывается в ситуации осаждённой крепости. Впрочем, две крепости, пусть даже осаждённые, — это сила, особенно если учесть, что это две ядерные державы. Задача — институциализировать этот осаждённо-крепостной статус и осадить (в обоих смыслах слова) осаждающего — Постзапад.

С началом терминальной фазы системного кризиса мировая верхушка подписала приговор суверенитету РФ и КНР и их правящим слоям в их нынешнем виде, и те решили сопротивляться. Однако главная беда к ультраглобалистам пришла откуда не ждали, из собственного логова: "чёрным лебедем" стал Трамп. Он, конечно же, не является националистом, каким его хотелось бы видеть некоторым. Трамп — традиционный глобалист, который считает, что государство должно ориентироваться на Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие структуры подобного наднационального типа, но оно должно сохраниться. А с ним — промышленность, занятый рабочий класс, средний слой. Однако, не будучи националистом, Трамп должен был сильно перегнуть "ультраглобалистскую палку" в противоположном направлении, чтобы попытаться её выпрямить. В этом плане, пожалуй, главный его результат — это подрыв до основания, но без "затем", бесповоротно двух трансокеанских образований — "двух китов", на которых строился план эволюционного, постепенного перехода к посткапитализму.

В связи с этим в условиях временнóго пресса у ультраглобалистов оставался только один путь к НМП — скоростной или, если угодно, революционный. Но для этого нужно было расчистить площадку в самих США, вернуть Америке статус логова ультраглобализма, а значит — свергнуть Трампа. Что и было сделано в 2020 году путём госпереворота, на который сработали ковид, ударивший по экономике, запуск BLM — движения чёрного нацизма — и наглые фальсификации во время голосования. В Белый дом внесли дементора (во всех смыслах) Байдена, ультраглобалисты могли торжествовать и активизировали свою деятельность как на Постзападе, так и за его пределами. Впрочем, готовиться к наступлению ультраглобалисты начали, естественно, до 2020 года. Кое-что прозвучало в Давосе в 2017 году, но главное случилось в 2018 году. Именно тогда произошли два важных события: был опубликован документ ультраглобалистов "Цели на 2030 год" и проведена конференция в Институте сложности Санта-Фе (США). С этими материалами я хочу познакомить читателя.

ЦЕЛЕЙ НА 2030 ГОД в документе была сформулирована дюжина.

1. Отмена частной и личной собственности.
2. Всеобщий базовый доход тем, кто принял "новую нормальность".
3. Отмена наличных денег, замена их цифровой валютой.

(От себя добавлю: цифровая валюта — это не деньги, а средство социального контроля.)

4. Система углеводородных рейтингов для государств и корпораций.
5. Жёсткий социальный контроль (дроны, узнавание лиц).
6. Рационирование потребляемого продовольствия, энергии и природных ресурсов.
7. Патенты на семенной фонд и ограничение возможности питаться пищевой продукцией собственного производства.
8. Почти полная ликвидация скотоводства. Перевод основной массы населения либо на искусственную белковую пищу, либо на вегетарианскую.

(От себя добавлю: в Нидерландах, в Харлеме, с 2023 г. запрещается реклама мясных продуктов, мясных блюд в общественных местах. Дальше — больше: по сообщениям СМИ, в октябре 2022 г. в Нидерландах принято решение о принудительном выкупе 600 скотоводческих ферм у их владельцев. Прощай, скотоводство — и высококачественная белковая пища.)

9. Контроль над рождаемостью. (Это депопуляция.)
10. Обязательная (то есть насильственная) вакцинация.
11. Запрет альтернативных форм медицинского лечения.
12. Отмена половых различий.

Последнее есть не что иное, как удар не только по семье, но и по человеку и человечеству как биологическому виду. Когда-то Энгельс назвал свою работу о цивилизации как о том, что противостоит варварству, "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Реализация "Целей…" предполагает уничтожение всего того, что создало человеческую цивилизацию. В связи с этим, забегая вперёд, замечу: ультраглобалисты стремятся не просто создать в глобальном масштабе удобный для себя посткапитализм, но, во-первых, перезапустить историю в том виде, в каком она развивалась со времён неолитической революции, то есть последние 10–12 тыс. лет, и направить её в сторону институциализированного неоварварства, футуроархаики, во-вторых, поставить под контроль (социо-) биологическую эволюцию, повернув её вспять и превратив основную массу населения планеты в социальных животных без качеств, без идентичностей.

Если в документе "Цели…" лишь намечены цели, то в дискуссиях конференции в Институте сложности Санта-Фе (у истоков которой — Рекс Тиллерсон и несколько спецструктур, прежде всего Агентство национальной безопасности) сформулирована стратегия — средство их достижения. В конференции под условным названием "Риски уязвимого мира" приняли участие руководители корпораций, политики, высокопоставленные спецслужбисты. После того как были заслушаны и обсуждены шесть докладов (общий; экономика и промышленность; угроза стабильности и порядку со стороны искусственного интеллекта; климат; энергетика; демография), развернулась дискуссия об основных возможных и желаемых сценариях развития человечества — разумеется, в интересах верхних 0,1% мировой верхушки, которой и служат участники.

Первые два сценария — революционный (человечество решает нынешние острые проблемы и делает качественный рывок в будущее) и оптимальный (человечество просто решает насущные проблемы без рывка) — подавляющим большинством участников были отвергнуты как маловероятные по реализации. Причина — низкий уровень интеллектуальной и волевой планки мировой элиты, с одной стороны, и сытый конформизм, безынициативность и зашоренность основной массы населения — с другой. Третий сценарий — катастрофа — представлялся наиболее вероятным 55% участников. Наибольший интерес вызвал четвёртый сценарий — за желательность его реализации высказались 25%. Называется он "антропологический переход". Речь идёт о создании общества, верхи и низы которого различаются как два биологических вида. Верхи, неоднократно меняя органы, живут 120–140 лет в экологически чистых зонах ("анклавах"), включая плавучие города, питаются высококачественной натуральной белковой пищей и держат под тотальным контролем низы и ресурсы. Низы живут 40–60 лет, физически слабы, по сути необразованны, живут в экологически грязных зонах, погружённые в дополненную, то есть виртуальную, реальность. Станислав Лем в "Сумме технологии" называл это фантоматикой. По сути, перед нами двухкастовое общество в духе элоев и морлоков из "Машины времени" Герберта Уэллса без какого-либо намёка на средний слой ("класс"), который первым должен пойти "под нож" экспроприации во время антропологического перехода к НМП.

Итак, цели определены, за дело, буржуины. Но как запустить сам переход? Ещё в 2010 году идеолог мондиализма Жак Аттали в одном из интервью откровенно заявил, что толчком к НМП может стать пандемия. Аналогичные мысли о подобного рода "трансформирующем событии" высказывали Дональд Рамсфелд в бытность министром обороны США, люди из Фонда Рокфеллеров. И вот в октябре 2019 года Фонд Билла и Мелинды Гейтс проводит учения Event 201 ("Событие 201"). В учениях отрабатываются меры по борьбе с пандемией коронавируса. И в 2020 году она приходит! Заказывали — получите. Точнее, так: сначала СМИ кричат о росте заболевших, и 11 марта 2020 года глава ВОЗ Тедрос Аданом Гебреисус, эфиоп с репутацией коррупционера и троцкиста, любимец Гейтса, заявляет: "Мы пришли к выводу, что болезнь может быть расценена как пандемия". Позднее Гебреисус будет подчёркивать, что ВОЗ не объявляла пандемию, а лишь высказала предположение. При этом, однако, мы помним, что все правительства, за исключением белорусского и шведского, щёлкнули каблуками и бросились реализовывать меры, далеко выходящие за пределы необходимых. Начался коронакризис — наведённая психическая эпидемия в совокупности с социально репрессивными и депривационными мерами. Прямо по Мишелю Фуко — "надзирать и карать" (survéiller et punir).

Всего лишь через три с небольшим месяца после объявления пандемии выходит книга ультраглобалиста, организатора Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, написанная им в соавторстве с Тьерри Маллере, — "Ковид-19: великое обнуление" (COVID-19: The Great Reset). Слово reset ошибочно переводят как "перезагрузка", но перезагрузка — это restart, reset — это обнуление, сброс. И действительно, речь у Шваба и Маллере идёт о сбросе, обнулении предыдущей истории.

Тезисно основные выводы и предложения книги, по сути программы действия ультраглобалистов, можно представить следующим образом.

ШВАБ ПРИЗНАЁТ, что ковид вовсе не является экзистенциальной угрозой — его не сравнить ни с "чёрной смертью" XIV века, ни с испанкой 1918–1919 годов, однако, несмотря на это, он имеет огромное значение, поскольку позволяет резко ускорить те процессы, которые уже идут в XXI веке и должны привести людей в мир "новой нормальности". Эти процессы суть развитие "зелёной экономики" (читай: деиндустриализация под предлогом климатических изменений, якобы вызванных человеком); курс на снижение потребления (на мировую верхушку и лично Шваба это, естественно, не распространяется); цифровизация (цифровой социальный контроль) и роботизация; углубление гендерного равенства; борьба за права ЛГБТ, поглощение государств(а) корпорациями.

Хотя Шваб, будто мантру, повторяет слова о неизбежности постковидного мира "новой нормальности", он перечисляет и опасности, которые его более чем беспокоят: а) сопротивление масс; б) затягивание процесса во времени — всё нужно проделать в короткие сроки (социальный блицкриг); в) если одна из трёх крупнейших стран — США, РФ, КНР — выйдет из "проекта", он не реализуется.

Расхваливая на все лады НМП, Шваб тут же говорит о том, что ковид усилит неравенство — социальное, экономическое, политическое, психологическое, в доступе к медицинским услугам. Роботизация ухудшит положение рабочих. Шваб говорит о сокращении социально-экономического пространства малого и среднего бизнеса, швабовский мир — это мир корпораций и в то же время мир существенно ухудшившегося качества жизни для основной массы населения. По сути обердавосец возвращается к неомальтузианской концепции "нулевого роста" Римского клуба в новой версии — degrowth (нерост, антирост, рост вспять). Он с восторгом присоединяется к манифесту, подписанному в мае 2020 года 1100 экспертами — сторонниками курса на "равенство в снижении качества экономики". Задача, считают они, создать экономику сниженного качества (downscaling economy). Шваб пишет, что такая экономика "приведёт нас к будущему, в котором мы можем жить лучше, довольствуясь меньшим" (where we can live better with less).

В качестве примера жизни по низшему разряду Шваб приводит Патагонию — суровый край бедной страны Аргентины. "Патагонизация" — это удел периферии и полупериферии большей части мира (на самом деле получится гаитизация и сомализация). Для меньшей части — "японификация" (модель Японии в том виде, в котором она существует после страшного экономического удара конца 1990-х). И то и другое — регресс, деградация.

Весьма оригинальным образом Шваб разделывается с капитализмом, обосновывая курс на лишение среднего слоя собственности на вещественные факторы производства (читай, курс на уничтожение среднего слоя, то есть малого и среднего бизнеса) необходимостью создания высшей, служащей всем людям формы капитализма — стейкхолдерской. На самом деле стейкхолдерский капитализм — это не просто не капитализм, а средство уничтожения капитализма, причём в интересах не трудящихся, как об этом мечтали Маркс и коммунисты, а узкой кучки миллиардеров. От акционера-дольщика (shareholder) стейкхолдер (stakeholder) отличается тем, что у него нет собственности, он — сторона участия, лицо, заинтересованное в том, чтобы данный бизнес функционировал; "вторичный участник огромного коммерческого проекта".

* Цифры приведены по материалам А.В. Лежавы из книги "На пути к Новой Швабии" (М., 2022)

Продолжение статьи — в № 44

Иллюстрация: «Материк», художник Василий Проханов

Автор — генеральный директор Института системно-стратегического анализа